DOI: 10.17976/jpps/2014.01.06

ГЛОБАЛЬНЫЙ МОДЕРН, ПОСТМАТЕРИАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ И ПЕРИФЕРИЙНЫЙ КАПИТАЛИЗМ В РОССИИ[1]

В.С. Мартьянов

Аннотация. В статье рассматриваются причины и последствия движения развитых модерных обществ к постматериальным ценностям, фиксируемого глобальными социологическими исследованиями. Анализируются возможности и ограничительные факторы глобального распространения постматериальных ценностей, связанные с центр-периферийной структурой капиталистической миросистемы. Показано, что несмотря на релевантную взаимосвязь успешного развития и укрепления постматериальных ценностей в условиях глобального (позднего, космополитического) Модерна, переход к этим ценностям является скорее шансом (возможностью) для каждого конкретного общества, чем всеобщей исторической закономерностью. В частности, на примере постсоветской России показаны причины долгосрочной устойчивости навязанного элитами обществу антимодерного консенсуса, препятствующего подобному переходу.

Ключевые слова: глобализация Модерна, постмодернизм, постматериальные ценности, Россия, элиты, антимодерный консенсус, периферийный капитализм.

Ценностная трансформация политического проекта Модерна

В каждом обществе существует исторически подвижное ценностно-функциональное соответствие (ядро), способное удерживать общество от распада. В итоге любых общественных трансформаций всегда доминируют такие эволюционные или революционные констелляции ценностей и институтов, которые обеспечивают для общества то терпимое легитимное насилие, которому граждане согласны подчиняться: “любой политический режим, сохраняющийся в течение долгого времени, практически всегда опирается на соответствующий нравственный порядок, который формирует политические и экономические системы, а также сам формируется под их влиянием” [Инглегарт 1999: 279-280]. В домодерных обществах ценностный порядок организуется в мифической и религиозной формах. Традиция в основе морали домодерных обществ не предполагает критической рефлексии. Природа человека считается познанной, а его добродетели заключаются в исполнении неизменных пожизненных социальных ролей, обеспечивающих предустановленную гармонию. Ценности даны в виде ритуала и символа веры, они объективны и тождественны вечному и неизменному социально-политическому порядку. Любые недогматические интерпретации привычных ценностей определяются как ересь, подлежащая исключению и уничтожению.

В обществе Модерна центральная ценностная система общества организуется великими идеологиями и утопиями, часто интерпретируемыми как

МАРТЬЯНОВ Виктор Сергеевич, кандидат политических наук, доцент, ученый секретарь Института философии и права УрО РАН. Для связи с автором: martianovy@rambler.ru

[1] Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 13-13-66016 и проекта фундаментальных исследований Института философии и права УрО РАН № 12-П-6-1007 “Общественные науки и модернизационные вызовы XXI века” в рамках программы Президиума РАН “Экономика и социология знания и образования”.

светские религии, фундированные либеральным консенсусом. Либеральный консенсус выступает доминирующим способом ценностно-институционального сцепления капитализма и нивелирующего его издержки социально-политического порядка. Массовая рефлексия социальных ценностей оказывается возможной лишь в классовом обществе с развитой автономией самореферентных подсистем (экономика, политика, право, мораль, образование и т.д.), когда дифференциация и конфликт социальных интересов становятся нормой, а вневластные социальные слои получают право на публичную артикуляцию и защиту своих интересов. Модерные ценности с невиданной для домодерных обществ интенсивностью претендуют на статус всеобщих, универсальных, относящихся к общему благу. Ценности впервые имеют множество социальных субъектов своего воспроизводства, они нуждаются в постоянной аргументации их всеобщности в ситуации перманентного социального конфликта, охватывающего все общество, входящее в состав политического класса, наделенного гражданскими правами и являющегося субъектом этих прав. Эти ценности вырабатываются в публичной сфере как пространстве жизнедеятельности всех людей, входящих в политическое сообщество. Поэтому отсутствие претензий на универсальность сразу же выводит ценности из сферы политики.

Выработка общих ценностей и правил требует институционального согласования антагонистических интересов и механизмов подчинения несогласных. Последнее с массовым ростом автономии индивидов все чаще переосмысляется как тоталитарная тенденция. Постмодернистская критика тотализирующего характера универсальности модерных политических учений приводит к попыткам обосновать альтернативные принципы общественной морали, связанные с фоновыми процессами роста рефлексивной социальности, индивидуальной автономии и проистекающей из них индивидуализации нравственности. Отчасти подобное положение дел связано с кризисом модерной политической утопии, поскольку “утратил актуальность сам замысел построения идеального социального порядка. Он представляется ныне не только недостижимым, но и не особенно привлекательным... Однако импульс, питающий утопическое мышление, отнюдь не иссяк. Теперь он прорастает на иной почве: место социальных утопий занимают утопии индивидуальные... Ориентиром и мерой прогресса при этом выступает непрестанное, в идеале безграничное расширение индивидуальных возможностей человека” [Юдин 2007: 521].

Таким образом, постмодернизм обнаруживает кризис легитимности универсальных модерных идеологий, что приводит к закономерной критике подобных метанарративов и торжеству локальных моралей, распространяемых только на представителей той или иной социальной, этнической, религиозной группы. В свою очередь локальные морали для тех или иных корпоративных сообществ, связанные с воскрешением архаичной этики добродетели, не могут быть расширены на остальное общество и противостоят более поздней универсалистской кантовской этике принципов [Макинтайр 2000]. В области социально-политических ценностей различного рода критика универсальности и центризма приводит не к созданию релевантной и легитимной универсальности более высокого порядка, но к разрушению имеющейся. На онтологическом уровне это фактически ведет к реинкарнации и легитимации новых сословий, выделяемых по экономическим, профессиональным, этническим,

религиозным, территориальным, культурным и иным принципам, каждое из которых регулируется собственными добродетелями, выработанными внутри сообщества; но эти добродетели и моральные принципы не распространяются на "чужих", на тех, кто не принадлежит к данной группе. Здесь согласование и обеспечение общего блага, воспроизводство публичной сферы как условия для артикуляции интересов и институционализации конфликтов, процедуры коммуникативного консенсуса как основы современной политики становятся все большей проблемой как на национальном, так и на глобальном уровнях.

Как ни парадоксально, возможность такой ситуации обусловлена тем обстоятельством, что в условиях массовой гарантии социального минимума, базовых "потребностей выживания" человека в обществах всеобщего благосостояния, на первый план в жизни людей выходят постматериальные ценности [Инглхарт 1997]. Следует отметить, что в истории человечества задолго до современности существовали люди, для которых проблемы выживания не были первоочередными. Однако этих людей всегда было слишком мало, они принадлежали к элитам, а их постматериальные ценности были слишком специфичными добродетелями правителей и воинов, будучи опосредованно ориентированы собственным выживанием. Лишь в условиях позднего Модерна созревает массовая социальная база носителей постматериальных ценностей, приобретающая глобальные черты: "...модернити не является лишь одной цивилизацией среди прочих. Упадок влияния Запада не связан с ослаблением воздействия институтов, впервые появившихся именно там, но, напротив, есть результат их глобального распространения" [Гидденс 1999: 113].

Постматериализм проявляется в росте значимости внеэкономических, культурных, ценностных факторов в целеполагании и принятия индивидуальных и коллективных решений в сравнении с экономическими. Поэтому в данном контексте у ряда исследователей возникает довольно утопическая гипотеза о целенаправленном движении человечества к постэкономическому обществу, где в полном соответствии с прогрессистским дискурсом наиболее развитые общества и тенденции, превалирующие в них в настоящем, являют собой картину будущего для периферийных обществ миросистемы [Иноземцев 1998]. И действительно, подобные гипотезы небезосновательны. Например, длящийся более 30 лет "Всемирный мониторинг ценностей" (*World Values Survey, WVS*) на межстрановом уровне демонстрирует значимую статистическую зависимость: повышение уровня жизни людей приводит к росту постматериальных ценностей самореализации, доверия, ответственности, заботы о людях и природе, а также ценностей открытости изменениям. В то же время низкий уровень жизни населения коррелирует с сохранением доминирующей роли носителей консервативных материальных ценностей выживания, сохранения и самоутверждения. На фоне уже решенных материальных проблем индивидов в постиндустриальных обществах приоритетными для них становятся ценности самореализации и саморазвития, формирующие контуры новой политической этики и часто интерпретируемые как постмодерные. Эти ценности проявляются в растущем моральном неприятии такого социально-политического статус-кво, в котором господствующей ценностной стратегией граждан является демонстрация социально одобряемого поведения и выживание как пассивная адаптация к наличным и считающимися неизменными общественным нормам и практикам.

Расширяющиеся постматериальные ценности революционны в том, что все более связаны не с приспособлением индивида к обществу, а с попытками его целенаправленного изменения, когда самоорганизация общества снизу начинает превалировать над его институциональной инерцией и приоритетом всеобщего (государственного) интереса над частными интересами граждан. Поэтому закономерен рост ценности неформальных практик и технологий согласования, координации и консолидации гражданского общества, низового лоббирования гражданами своих интересов в постклассовом обществе. С другой стороны, этот рост может быть связан не только с постматериализмом, но и с преодолением экономикоцентричных моделей модерной политики, подчиняющих ее логике капитала, а также с возвратом к домодерным культурным конфликтам и отличиям, выражающимся в фундаментализме и столкновении цивилизаций. При этом рост реальных возможностей каждого человека выбирать из множества альтернатив оборачивается общей непредсказуемостью и институциональной неустойчивостью позднемодерного общества риска (У.Бек), которое не содержит готовых этических и правовых механизмов согласования партикулярных интересов, обеспечения легитимности постоянно меняющихся правил совместного проживания. Проблема постматериальной утопии состоит в том, что люди сами по себе вовсе не становятся постматериальными, они остаются существами из плоти и крови, с вполне земными партикулярными интересами. И рост значимости постматериальных ценностей для все большего количества людей не влечет автоматической отмены ценностей материальных, по-прежнему организующих социальное пространство большинства современных обществ, т.е. подавляющей части человечества.

Таким образом, благое стремление постмодернистских теорий поместить в центр политики отдельного человека, раскрыть его потенциал самореализации, защитить от всепроникающих влияний аппарата власти вовсе не ведет к глобализации политического мышления, когда этическая мысль напрямую связана с интересами человека как персонификации человечества, а права и обязанности распространяются всеобщим законодательством на всех людей, без учета их гражданства. В данном случае этическая риторика освобождения подавляемых и репрессируемых социальных групп как “оружие слабых” оборачивается лишь невозможностью многосоставного общества, его распадом.

Очевидно, что перманентная модернизация как способ существования модерного общества связана с усложнением его ценностно-институциональной структуры, организацией эффективного взаимодействия автономных подсистем (экономика, политика, право, мораль и др.) и их успешным реагированием на любые внутренние и внешние вызовы. Более того, “ставки сегодня как никогда высоки. Сообщества, ‘уклоняющиеся’ от вмененной им задачи интенсивного самоизменения, реально рискуют необратимо растерять накопленные прежде ресурсы социокультурной консолидации, утратить идентификационную привлекательность для составляющих их индивидов, бесследно раствориться в потоке глобальных перемен. Парадоксальным образом неизменность, постоянство, верность традициям обрекает любую социальную структуру на онтологическое поражение, тогда как лишь стремительная и непрерывная адаптация к изменчивым требованиям современности дает ей шанс на сохранение собственной субъектности, шанс на выживание” [Лапкин 2012: 45].

Соответственно любой гражданин не получает в готовом виде универсальные нормы для всех сфер жизни, но призван к тому, чтобы самостоятельно, на основании собственного выбора в каждый момент времени определять ценностные основания своих действий. Поэтому действительный успех постматериальной нравственности может быть обусловлен лишь большей универсальностью новых норм в сравнении с уже имеющимися [Мартьянов, Фишман 2010: 247-255]. Дальнейшее развитие человечества заложено в возрастающей свободе и моральной автономии граждан, в росте возможностей их самовыражения. Стратегическое развитие требует расширения свободы и критической рефлексии, а значит неопределенности и риска, связанных с усилением начал самоорганизации. Впрочем, достижение указанной цели через разрушение "репрессивных" институциональных основ наций-государств Модерна часто оборачивается архаизацией, неотрадиционализацией и падением качества социально-политических институтов в отсутствии признанных параллельных механизмов поиска и институционализации согласия. В такой ситуации успехи ограниченной борьбы лишь с центрами и структурами вместо роста пространства институциональной свободы ведут к увеличению всевозможных рисков граждан, связанных с дисфункциональностью и делегитимацией модерных институтов, выражающих общую волю и общее благо.

Главное препятствие, ограничивающее возможности глобальной трансформации центральной ценностной системы в постматериальном ключе, состоит в том, что общество Модерна онтологически тождественно капиталистическому. Поэтому действительной альтернативой ценностному и социально-политическому Модерну является онтологической выход за пределы капитализма. Однако процессы глобализации на уровне социальной онтологии не столько ведут к упадку Запада и преодолению капитализма, сколько демонстрируют эффект глобального подъема универсалистского проекта Модерна, очищенного от наследия партикулярных традиций и цивилизационных особенностей Запада в пользу его действительно всеобщего содержания, преодолевшего исторические, географические и культурные ограничения всех прежних исторических проектов. В частности, это возвышение интерпретируется А.Гидденсом как одновременная радикализация и постматериализация ценностных оснований либерализма, фундирующих Модерн: "мы не выходим за пределы модернити, но переживаем эпоху ее радикализации... Ее наиболее заметные черты – крах эволюционизма, исчезновение исторической телеологии, признание радикальной, конститутивной рефлексивности, а также утрата Западом своей привилегированной позиции – переносят нас в новый и беспокойный универсум опыта" [Гидденс 1999: 113-114].

Представляется, что если раннеиндустриальный национальный Модерн предстает как институционализация либерализма, то движение к постнациональному (глобальному) обществу Модерна обернулось не отрицанием, а наоборот усилением ценностных оснований Модерна, обусловленных последовательным усилением индивидуальной автономии (экономической, этической, рациональной) людей, которые все активнее действуют в своих интересах, в том числе вопреки сложившимся коллективным историческим идентичностям, традициям и ценностным обоснованиям. Такова далеко не новая мысль о рождении общего блага из правильной институциональной организации совокупности партикулярных эгоизмов [Кант 1966: 284-286]. Эта тенденция

потенциально является двойной по своим следствиям: она может вести как к росту эгоизма индивидов, так и к пониманию ими выгодности установления правил, признанных всеми социальным силам в долгосрочной перспективе.

Постматериальный сдвиг современных обществ заключается в том, что растущие ценности людей, коррелирующие с возможностями их самореализации, все сильней отрываются от превалирующих раннеиндустриальных национальных модерных институтов, по инерции связанных с ценностями коллективного выживания и обеспечения безопасности, предполагающими более высокую степень унификации, принуждения, дисциплинирования, мобилизации и вовлеченности граждан в общественные дела. В условиях подобного нарастающего расхождения постматериальных ценностей и их институциональной фиксации, в глобальном Модерне наблюдается интересный эффект, в котором сила институциональной инерции предшествующего общественного состояния нивелируется падением ее ценностных оправданий: "Различные теории предполагают, что институты существуют постольку, поскольку их поддерживает культура данного общества, или, иначе говоря, пока социальные акторы верят в ценность этих институтов. В этом смысле институты зависят от ценностей, и эта зависимость тем больше, чем более институты нуждаются в добровольной поддержке социальных акторов. Потребность в такой поддержке возрастает, потому что индивидуализация, главная тенденция современности, освобождает людей от механизмов социального контроля. Чтобы индивидуализированные люди следовали правилам, необходима добровольная поддержка ими этих правил, возможная только в том случае, если люди ценят эти правила. Поэтому ценности людей все больше влияют на институты общества, в том числе и на права" [Вельцель и др. 2012: 14].

Представляется, что в подобном контексте существующий ныне ценностный либеральный консенсус, построенный на модели человека экономического, будет все активнее проверяться на легитимность и универсальность именно постматериальными ценностными альтернативами. Более того, главной реальной угрозой развитию ценностных констелляций либерализма в глобальном мире являются не столько левые и постмодернистские проекты, сколько сами неолибералы, руками которых капитализм упраздняет сам себя путем отмены своих внеэкономических фоновых ограничителей, одновременно являющихся условиями его существования. Дело в том, что господствующая в мировом научном мейнстриме и общественно-политическом дискурсе неолиберальная ценностная модель экономического человека как разумного индивидуалиста и эгоиста, стремящегося к максимизации своей прибыли, не может институционально поддерживать существование общества. Любые фоновые регулирующие институты (традиция, мораль, добродетели, семья, бюрократия) здесь расцениваются как препятствия, т.е. трансакционные издержки, снижающие эффективность экономических коммуникаций. Однако проблема в том, что любые индивидуальные стратегии в модели экономического человека могут осуществляться только на фундаменте игнорируемых и выводимых за скобки этой моделью институционально закрепленных коллективных стратегий, ставящих пределы партикулярным, частным интересам, совокупность которых сама по себе не образует необходимой полноты условий, а тем более единой симфонии интересов участников рынка или выстраиваемого на основе этой же модели политического сообщества.

Соответственно ценностно и институционально капитализм наиболее быстро разрушается именно радикальными капиталистами, а соответствующие им ультралибералы (либертаристы) способны прикончить его быстрее, чем коммунисты, просто доведя капитализм до его логического завершения. Поэтому не в идеальном мире теорий, а в реальном социуме и политии "институты имеют значение" (Д.Норт). В более широком плане и "культура имеет значение" (С.Хантингтон), которое невозможно игнорировать, просто потому, что "вера и семья, кровь и предания – вот с чем идентифицируют себя люди и вот ради чего они будут сражаться и умирать. Вот почему столкновение цивилизаций вытесняет холодную войну как центральное явление мировой политики, а цивилизационная парадигма (лучше, чем любая ее альтернатива) обеспечивает полезную исходную точку для понимания происходящих в мире изменений и для того, чтобы с ними справиться" [Дискуссия... 1994: 56]. И даже не прибегая к крайностям уязвимого для критики цивилизационного подхода, можно уверенно констатировать, что устойчивая культурная среда всегда продуцирует собственные ценности в исторически сложившиеся институты, инерция которых объясняет крах любых универсальных законов и институциональных новаций в их эффективном применении к реалиям других обществ.

В настоящее время в глобальном масштабе можно наблюдать, что радикализация капитализма выражается в нарастании неэквивалентности ресурсных потоков и экономических обменов на всех уровнях. Внеэкономическая компенсация этих критических диспропорций проявляется в развитии ценностного социально-политического проекта позднего (З.Бауман), высокого, космополитического (У.Бек), второго, радикального (Э.Гидденс) или глобального Модерна, связанного с увеличением доступных возможностей как можно большего числа людей, использованием ими ресурсов своей возрастающей автономии в различных сферах жизни. Последняя тенденция часто описывается как фрагментация и индивидуализация общества (Бауман), как турбулентность изменений, как перманентный распад предшествующих форм социальной организации (семья, община, этнос, нация, связанные территориальным, языковым и культурно-историческим единством). Тем не менее, рискнем утверждать, что при всех наблюдаемых изменениях, рациональная модель человека экономического остается доминирующей, а стратегии ее морально-политической, ценностной компенсации остаются модерными даже с учетом перечисленных выше метафор, схватывающих направления изменений самого Модерна как длящегося и исторически открытого проекта (Б.Капустин). Постмодернизм как "культурная логика позднего капитализма" (Ф.Джеймисон) в своем критическом дискурсе не затрагивает институциональных основ Модерна, а тем более не предлагает ему равновеликих альтернатив. Постмодернизм, критикуя великие идеологии и базовые понятия Модерна, такие как общество, культура, государство, народ, класс, нация, остается бессильным в опровержении действующего социально-политического порядка капитализма.

Более того, если ранее культурные различия и ценности были преимущественно аргументом консерваторов, то глобализация и де-европеизация Модерна вновь заставляют обратить внимание на социальное экспериментирование и конструирование новых ценностей как необходимого условия глобального общественного развития, в котором ценности играют воистину революционную роль. Поскольку именно ценности находятся в основании любого длительного

общественного консенсуса или негласного договора относительно приемлемых правил совместного общежития. Таким образом, в обществах, в которых действуют постиндустриальные тенденции, нематериальные, культурные факторы общественных изменений становятся более значимыми, чем экономические. Более того, новые кластеры экономики все прочнее связаны с постматериальными активами уникального знания, технологий и творческого креатива, т.е. самореализацией и самовыражением, вытесняющим на второй план достигнутые большинством цели обеспечения индивидуальной безопасности и материального благосостояния. Усиление влияния ценностей на траекторию общества "...является ожидаемым результатом с точки зрения развития человеческих возможностей. Права не сообщают нам о том, чего желают люди, они являются следствиями из желаний людей. Ценности, напротив, непосредственно представляют собой желания людей. Расширение прав и возможностей человека приводит к тому, что ценности людей начинают больше влиять на путь развития общества" [Вельцель и др. 2012: 38]. И здесь ценности, связанные с обеспечением непосредственной, материальной жизни человека, начинают превосходиться ценностями, действующими в более универсальном контексте, чем частная жизнь, предполагающими развернутую социальную рефлексию граждан по поводу условий своего совместного существования и открытых для них возможностей самовыражения.

Случай России: навязанный антимодерный консенсус

В России переход от аграрного общества с его лояльностью к политической микромодели общины относительно формирования гражданского общества осуществлялся в форсированном виде путем создания такого институционального паллиатива, как советская модель коллектива. Именно в рамках этой модели ускоренными темпами создавалась "советская личность", главным качеством которой была не столько интеллектуальная и моральная автономия, сколько безоговорочное институциональное доверие и лояльность к коммунитарным ценностям, которые воплощены в виде советского политического строя. Главным качеством "советской личности" (понятие неизвестное вне российского обществознания) в отличие от западного индивида объявляется не критическая рефлексия как залог гражданской самостоятельности, а "сознательность", при ближайшем рассмотрении представляющая собой все ту же лояльность трудовому коллективу, партии, советскому образу жизни, всей наличной онтологии социального порядка. Идеологически нагруженная "сознательность" ограничивала возможности для критического осмысления действительности и легитимирующих ее ценностей, а тем более для ее подрыва путем создания альтернатив.

Представляется, что подспудно кризис советского строя был подготовлен вызреванием и все большим превалированием в позднесоветском обществе "нормальных" для модерного общества кантианских индивидов, отваживающихся пользоваться собственным разумом, которым становилось все более тесно в рамках советской модели личности, производимой и контролируемой разного рода и уровня коллективами [Хархордин 2002]. Наблюдаемый зазор между этой переходной моделью форсированного воспитания личности (взращивание личности в крестьянах и рабочих осуществлялось дисциплинарными институтами – детский сад, школа, армия, трудовой коллектив – по макаренковскому методу всеобщего надзора за всеми, техниками публичных обсуждений и покаяний) и усложняющейся реальностью постоянно рос и не был

ничем компенсируем. Смена поколений, постоянный рост образовательного уровня населения, превалирование урбанистического образа жизни привели к закономерному усилению индивидуализма, превращению советских коллективов (идеологические общности – октябрята, пионеры, комсомольцы, коммунисты; профсоюзы, трудовые собрания, советы депутатов разных уровней) как усовершенствованных общин в архаизм и неработоспособную фикцию. Советская модель коллектива вошла в противоречие с требованиями к человеку, выдвигаемыми обществом Модерна – автономия, критическое мышление, ответственность за индивидуальные риски, личный выбор и в конечном итоге за свою судьбу – как оборотные стороны расширяющегося пространства свободы. Сохранение этого противоречия во многом продолжает определять траекторию развития современной российской политической системы, накладывает отпечаток на эволюцию норм российского права [Курзински-Сингер, Панкевич 2010]. Тем не менее, модернизационные резервы коллективной автономии (государство, класс, партия, профсоюз) были реализованы. Дальнейшие ресурсы общественного развития могли заимствоваться только в виде роста пространства индивидуальной автономии граждан, повышения субъектности самих индивидов. Основная проблема советской модели модернизации заключалась в неизменном следовании все более устаревающим образцам раннеиндустриального общества Модерна и чрезмерной централизации и унификации общественных и управленческих процессов, подрывавших социальную рефлексивность, инициативу, способность к самоизменениям. Советская модель мобилизационного, догоняющего Модерна, предполагавшая освобождение от недостатков капиталистического Модерна (эксплуатации, классового неравенства) в реальности оказалась не менее уязвимой и даже более догматичной.

Однако распад советского Модерна привел к другому, неожиданному результату, связанному с превалированием процессов демодернизации, воскрешением домодерных ценностей и локальных идентичностей, образующих обобщающий дискурс “потерянной субъектности” (в традиционалистском дискурсе речь могла бы идти о богооставленности) [Фишман 2006: 213-218]. В результате прежнее политическое общество, представленное в довольно универсальных модерных категориях освобождения, наций и классов, труда и капитала, архаизировалось до культурных самореференций, фрагментированных этнических, цивилизационных, региональных или религиозных пространств. Новые референции крови и религии, почвы и сословий фрагментируют российское политическое пространство. Таково следствие отката российской экономики на периферийные позиции в капиталистической миросистеме, закономерно снизившего потенциальную социальную базу носителей модерных ценностей[2]. Происходит откат даже от советской модели

[2] Патримониальный, периферийный, дикий, олигархический, государственный капитализм являются, по сути, взаимозаменяемыми вариантами, призванными подчеркнуть патологическую специфику российского “капитализма с прилагательными”, характеризующуюся доминированием неформальных и домодерных практик и разного рода отклонений от идеального типа западных обществ. Неуниверсальность исходного идеального типа и идеологическая нагруженность подобных конструкций, безусловно, снижают их релевантность. Если большинство актуальных обществ не вписывается в норму, то она нормой не является, представляя собой гипостазирование, утопию или социальный идеал. Соответственно реальным эвристическим потенциалом здесь обладают совсем другие вопросы – о причинах сохранения устойчивого неразвития и неустранимости отклонений от предложенной “нормы” или “закономерности” для большинства человечества.

экономики и общества Модерна, который ничем не компенсируется. Этому мешает целенаправленный выбор элитами своего господства именно благодаря модели периферийного капитализма и легитимирующих его ценностей. Периферийность экономики объективно коррелирует с идентичным институциональным архаизмом политического порядка [Мартьянов 2010].

Следует особо отметить, что российские элиты не являются ни отсталыми, ни периферийными сами по себе. Наоборот, в своих личных, партикулярных стратегиях они эффективно включены в глобальный Модерн. Тем не менее, признанные российской элитой правила игры, рыночные обмены и модерные ценности во внешнем пространстве не распространяются на внутренний политический порядок, где в условиях сохранения господства дарообменных и дистрибутивных (рентных, распределительных) принципов общественных обменов (К.Поланьи) они обретают имитационный, карнавальный характер, элиминирующий их исходное значение. Доминирующие элиты, стремясь сохранить монополию на рентное распределение и политическую субъектность, пытаются играть роль посредника между глобальными рынками и российским обществом, который в целях своей легитимации стремится сохранить в неизменности традиционное ядро российского общества, демонстративно облекая его в институциональные воплощения Модерна. Однако под этим обличьем скрываются все те же неотрадиционалистские и неопатриархальные практики взаимодействия государства, бизнеса и общества, чиновников и граждан [Бляхер 2008]. Несомненные выгоды и возможности, связанные с присоединением общества к глобальным рынкам, нормам, стандартам, ценностям и институтам оказываются в ограниченном доступе.

При этом растущая потребность значимых социальных групп в изменениях неприемлемого положения наталкивается на доминирующие ценности домодерного презентизма как нежелания выйти за пределы настоящего даже в социальном воображении и политической утопии. Любое социальное конструирование интерпретируется антимодерными социальными силами как призыв к разрушению социального порядка. Поэтому "...самым важным для понимания перспектив эволюции России следует считать сегодня антимодернизационный тип социального капитала. Антимодерн как уклад жизни представляет собой смесь опыта существования при социализме или инерции советского образа жизни (приспособления к репрессивному государству с его практиками уравнительной, распределительной экономики) с новыми идеологизированными формами, которые активно использует путинский авторитаризм (религиозный фундаментализм, компенсаторный русский национализм, политический консерватизм). Сам по себе этот образ жизни (включая характерное для советского человека двоемыслие, низкий уровень солидарности, политическую пассивность, запросы, ограниченные необходимостью выживания) уйти не может, так как этот уклад (и соответствующий тип социального капитала) обусловлен существующей территориально-отраслевой структурой экономики и расселения, отражающей характер советской модернизации" [Гудков 2012: 261].

Проблема антимодерного равновесия усугубляется тем, что кризис советского общества как модели временного мобилизационного развития наложился на мировой кризис модели государства всеобщего благосостояния, которое вопреки всеобщим ожиданиям оказалось "пирогом не для всех" в условиях

глобальной мироэкономики постбиполярного периода. Мировой экономический кризис умножил эмпирические подтверждения тому очевидному факту, что гарантии всеобщего удовлетворения базовых материальных запросов и потребностей как условия перехода к доминированию постматериальных ценностей не реализуемы для всех граждан даже в наиболее развитых, постиндустриальных обществах [Мартьянов 2008]. Неолиберальная модель развития, связанная с отсутствием гарантий для удовлетворения базовых материальных потребностей всего населения обнаружила явные пределы перехода к постматериальным ценностям в глобальном масштабе. Кроме того, эта модель стала причиной социологической фиксации того факта, что в постсоветский период "сильное стремление к личному успеху и богатству не сочетается в сознании россиян со столь же выраженной смелостью, готовностью действовать по-новому, идти на риск и принимать самостоятельные решения. Ценности строятся по 'принципу удовольствия': высокие притязания без готовности к значительным личным усилиям и рискам" [Магун, Руднев 2010: 16].

Таким образом, в современной России наблюдается весьма устойчивое сочетание ценностей патернализма с крайним индивидуализмом, образующее поляризованное социально-политическое состояние. Соответственно гражданские, внеэкономические ценности проигрывают в нормативном поле ценностям материально-потребительским, связанным с патернализмом, популизмом и деполитизацией публичного пространства во имя ценности стабильности [Киселев 2006]. Здесь логика экономического человека реализуется в риторике, с помощью которой власть подчеркивает реальную или мнимую экономическую выгоду сильных антимодерных социальных групп, связанную с сохранением статус-кво. Подобная экономическая модель обмена ресурсов на легитимность исключает или крайне осложняет своей логикой формирование типов коллективного политического поведения и самоорганизации, основанных на нематериальных и внеэкономических ценностях, которые не несут своим субъектам прямой и сиюминутной выгоды. В постсоветский период в качестве реакции на глобальные вызовы для ценностно-институциональных изменений элитами активизировались механизмы массовой архаизации и ценностной локализации, подкрепленные тем, что "у россиян слабее, чем у большинства европейцев, выражены надличные ценности заботы, толерантности, равенства и, наоборот, сильнее, чем у большинства европейцев, проявляются ориентации на характерные для 'игры с нулевой суммой' конкурентные ценности личного успеха, власти и богатства..." [там же: 17].

Представляется, что именно постматериальные ценности, продуцируемые в политическом, культурном, моральном пространствах глобальным Модерном, способны помочь найти новую модель экономического человека, скорректированную с учетом общественных целей и потребностей, выходящих за пределы ее неолиберальной модели. Для этого требуется автономизация от ограниченной логики рынка всех внеэкономических сфер деятельности [Панкевич 2009]. В противном случае в России будут господствовать худшие образцы периферийного капитализма, в которых рост общественного неравенства легитимируется давно дискредитированной социал-дарвинистской экономической риторикой XIX в. Глобализированные российские элиты, фиксируя рост модерного сознания населения, выплеснувшийся в серии массовых политических протестов, и осознавая необходимость модерных

институциональных перемен, пытаются сохранить статус-кво домодерными практиками. Они надеются решить проблему кооптации недовольных путем ограниченного возврата публичной политики, расширения номенклатуры выборов и различных свобод на местный и региональный уровень при сохранении политической монополии на федеральном уровне власти. Предполагается, что контролируемое разделение уровней и сфер политической свободы позволит создать клапан для выброса социальной энергии модерной части населения, запуска социальных лифтов, обновления элит, социального экспериментирования. Проблема лишь в том, что подобные паллиативные меры легко оборачиваются очередной институциональной мимикрией периферийного капитализма.

Тем не менее, Россия, как и другие общества, имеет шансы выбраться из тупика, в котором взаимно кодируются периферийный капитализм и архаичная институциональная конфигурация государства, сознательно эксплуатирующие в интересах немногих антимодерные ценности и их институциональные воплощения. Комплексные процессы модернизации и архаизации в постсоветской России идут параллельно, их соотношение является переменной, зависимой от переплетения множества экономических, институциональных и ценностных факторов. В долгосрочной перспективе объективное нарушение сложившегося равновесия связано с поступательным увеличением социальной базы носителей модерных ценностей, распространением более эгалитарных принципов распределения властных ресурсов и институциональным усложнением общества, предполагающим развитие различных форм массового гражданского участия в принятии публично-властных решений [Руденко 2006]. Поскольку культурные предпочтения и мотивации людей во многом формируются в период взросления и достаточно ригидны в течение сознательной жизни, трансформации ценностей и морали в значительной степени обусловлены сменой поколений. В ее результате общественное мнение и социальные образцы начинают формировать носители новой нравственности и идеалов [Inglehart, Welzel 2005]. Дополнительная сложность заключается в том, что система социализации может целенаправленно сдерживать развитие модерных ценностей, отсрочив назревшие изменения на 1-2-3 поколения. Институциональное принуждение и интериоризация социальных норм создают лояльность и предсказуемость поведения большинства, которое довольно сложно преодолеть индивидуальным сопротивлением и партикулярным переопределением заданных норм и ценностей [Бергер, Лукман 1995: 210-238].

Заключение: о возможностях перезапуска Модерна в России

В постбиполярном мире Россия, как и остальной мир, столкнулась с разнообразными ценностно-институциональными вызовами, предполагающими в качестве своего эффективного решения апгрейд источников социального капитала, являющихся условием “нового духа” капитализма при переходе ко второму, позднему Модерну. Это вызовы, связанные с распадом модели классово-национально-индустриального Модерна и привычных ему форм социального капитала, с ростом значения и издержек локальных идентичностей. Общества центра миросистемы с помощью постматериальных ценностей пытаются играть в моральную игру на повышение, предполагающую новые типы социального капитала, динамику и усложнение институциональной кон-

фигурации позднего Модерна. Эта стратегия естественным образом вытекает из экономического развития постиндустриальных обществ, эволюции структуры их экономики и места в миросистеме. Кризис индустриального Модерна здесь разрешается в более широком контексте амбициозных и универсальных целей – формирования проекта позднего или космополитического Модерна, где постматериализм расширяет базовые модерные ценности и цели, связанные с постоянным ростом возможностей для всех и каждого.

В России, наоборот, указанные глобальные вызовы для советской модели Модерна были сопряжены с поражением в холодной войне и откатом на периферию миросистемы. Этот откат в качестве наиболее вероятного – инерционного – варианта предполагал аналогичное упрощение политики как ценностную игру на понижение – институциональную архаизацию политического порядка и социального капитала. Чуда не случилось, именно этот вариант и был реализован в условиях открытия советской экономики глобальным рынкам, повлекшего предсказуемый откат нового российского капитализма на периферийные позиции. Согласно историко-институциональной логике Д.Норта и его соавторов, именно нынешний российский политический порядок как раз является нормой, к которой относятся "естественные государства", в которых живет подавляющее большинство населения мира [Норт, Уоллис, Вайнгаст 2011]. Исключением являются именно общества открытого доступа, представляющие скорее социальный идеал, чем распространенную норму. Более того, такие общества начали возникать лишь в последние 200 лет и в долгосрочной исторической перспективе еще не доказали своей устойчивости и выживаемости, а также способности к уверенному расширению своего ареала на регионы мира, выходящие за пределы европейских обществ и их бывших колоний, иначе называемых "ответвлениями Запада" (*Western-offshoots*) – США, Канада, Австралия, Новая Зеландия и др. Кроме того, порядок открытого доступа (весьма заметно на ценностном уровне коррелирующий с открытым обществом К.Поппера) в основном относится к странам центра миросистемы, что в рамках глобальной модели центр-периферийных отношений заставляет задуматься о существовании более широких ресурсных условий поддержки их существования, выходящих за пределы самих этих обществ. Очевидно, что общества, не входящие в ядро капиталистической миросистемы, имеют недостаточно суверенитета и ресурсов для эффективного целенаправленного изменения своих социальных структур. Поэтому, несмотря на декларативно универсальные условия перехода от естественного государства к порядку открытого доступа, способность большинства современных государств реализовать подобный механизм модернизационного перехода представляется довольно ограниченной (особенно в свете критических аргументов теории зависимости и явной радикализации центр-периферийных дисбалансов).

В итоге возникает инерционный эффект колеи, когда в условиях преобладания модели периферийного капитализма модерный политический порядок не может возникнуть, не приводя к революционной ситуации. Поэтому новые российские элиты вполне рационально "свернули" имевшийся советский Модерн ценностно-институциональной игрой на понижение, чтобы обезопасить альтернативы своему положению в настоящем. Это оптимальный выбор для периферийных элит, способствующий соблюдению их интересов и продолжению нахождения у власти с наименьшими затратами усилий.

Ценностно-институциональная констелляция: а) открытой для глобальных рынков российской экономики, действующей по установленным на них правилам (включая вступление в ВТО), и б) закрытой политической псевдоморфозы Модерна, препятствующей распространению модерных институтов и ценностей в политическом поле, оказалась весьма устойчивой. И существенной проблемой для дальнейшего развития и изменения положения страны в миросистеме является не столько экономическая периферийность, сколько внеэкономические факторы консервации периферийности – отсутствие воспроизводства правил и законов, независимых от правящих элит; неразделенность власти и прав собственности; отсутствие конкуренции элит и автономного публичного пространства и т.д.

Другим, менее вероятным мог стать не инерционный, а инновационный сценарий, ориентированный не на удобное для элит обустройство в сырьевой нише глобального капитализма, а на преодоление подобной роли в ходе социального экспериментирования и расширения публичной политики. Последнее для нынешних элит представляет слишком большие риски, связанные с ротацией, потерей власти и собственности.

Для поддержания контролируемого гомеостаза элитами в качестве "естественного" оправдания навязывается антимодерный дискурс, который становится паллиативом общественного согласия. В экономическом дискурсе элиты втягивают значимые социальные группы населения в антимодерный консенсус путем наделения их некоторой символической долей от ресурсной ренты. Обмен части ренты на легитимность населения превращает последнее в заложника статус-кво, который невольно начинает разделять общую с властью идентичность и ценность стабильности сырьевой сверхдержавы, так как впадает в зависимость от источника своего благосостояния, который ему на самом деле не принадлежит. Ресурсный ручеек может быть увеличен или уменьшен в зависимости от лояльности "миноритарных рантье" (пенсионеры, военные, бюджетники, малообеспеченные и пр.). Этот ложный консенсус соучастия искусно конструируется в риторическом дискурсе заботы, противореча интересам большинства населения, связанным с реальной модернизацией, выработкой внутренних источников развития общества и преодолением разнообразной периферийности.

Таким образом, в нынешней России сформировавшийся в советский период "почти модерный человек" не находит даже ряда прошлых модерных достижений. Но он находит другое – связанный с откатом на периферию патернализм, новую сословность, рост неодновременности социума, пассивные стратегии социальной адаптации вместо конструирования новых возможностей, домодерные практики элит, подчиненные неолиберальному дискурсу периферийного капитализма. В результате возникает устойчивое, но невыгодное для перспектив большинства населения равновесие социальной системы основанное: а) на негативной идентичности и локализующих, антимодерных ценностях (Б.Дубин, Л.Гудков); б) на институциональных ловушках химерического типа, связывающих имеющийся в обществе ресурс модернизации и обновления с грубо сконструированной российской традицией, историчностью и "самостью", лишающими данный ресурс любых перспектив воплощения. В результате закономерным становится тот факт, что периферийное российске общество "отстает не от Запада... отстает от самого

себя, от заключенных в нем самом возможностей устойчивого развития... при этом выход находится внутри самой системы, которая содержит в себе некоторое множество точек равновесия" [Скоробогацкий 2012: 38]. Причем в данном случае форсированные модернизации и прямые институциональные трансплантыкак попытки сразу перепрыгнуть в коммунизм или в постиндустриальное общество, не располагая достаточной социальной базой носителей постматериальных ценностей, чреваты созданием столь же неустойчивых и паллиативных институциональных конструкций, как и стремление остановить время, отказавшись от назревших изменений.

Противоречивым сплавом реальных практик периферийного капитализма и псевдомодернизационных риторик российских элит становятся различные идейные химеры, в которых постматериальные ценности и потребности самореализации, доверия, заботы о людях и природе, открытости изменениям пытаются реализовать в домодерной форме. Например, в виде разного рода фундаментализма, традиционализма, поиска национальной идеи, православия и иных домодерных/докапиталистических форм организации и накопления социального капитала при сохранении ценностно-институционального господства модели периферийного капитализма, априори не совместимой с подобными ценностями и практиками. Поэтому при всех попытках элит опереться на некие "духовные скрепы", последние неизменно ориентированы на консервацию отсталости в виде архаических рассуждений об аутентичных традиционных, исторических и национальных ценностях, совершенно не затрагивающих актуальный политический порядок и капиталистическую реальность [Фишман 2013]. В то же время, накопленные в российском обществе нематериальные (внеэкономические) ресурсы, как предпосылки преодоления периферийности, в силу указанных выше причин не получают нормативного (институционального) закрепления и поддержки. Потому что реализовать действительно новые идеи невозможно без новых практик и институтов или хотя бы движения в сторону их создания: периферийный капитализм не может воспроизвести политический порядок и социальный капитал современности, не упраздняя сам себя.

Бергер П., Лукман Т. 1995. *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. – М.: Медиум.

Бляхер Л. 2008. Архаические механизмы легитимации власти в России, или Очерки об истоках ностальгического сознания. – *Полития*, № 3.

Вельцель К., Инглхарт Р., Александер Э., Понарин Э. 2012. Распутывание связей между культурой и институтами на примере эмансипации человечества. – *Журнал социологии и социальной антропологии*, т.15, № 4.

Гидденс А. 1999. Последствия модернити. – Иноземцев В.Л. (ред.). *Новая постиндустриальная волна на Западе*. Антология. М.: Academia.

Гудков Л. 2012. Доверие в России: смысл, функции, структура – *Новое литературное обозрение*, № 117.

Дискуссия вокруг цивилизационной модели: С.Хантингтон отвечает оппонентам. 1994. – *Полис. Политические исследования*, № 1.

Инглегарт Р. 1999. Модернизация и постмодернизация – Иноземцев В.Л. (ред.). *Новая постиндустриальная волна на Западе*. Антология. М.: Academia.

Инглхарт Р. 1997. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества. – *Полис. Политические исследования*, № 4.

Иноземцев В. 1998. *За пределами экономического общества. Постиндустриальные теории и постэкономические тенденции в современном мире.* М.: Academia; Наука.

Кант И. 1966. К вечному миру. – *Собр. соч. в 6 тт.* Т. 6. М.: Мысль.

Киселев К.В. 2006. *Символическая политика: власть vs общество.* Екатеринбург.

Курзински-Сингер Е., Панкевич Н. 2010. Конфликт-взаимодействие принципов диспозитивности и обязательности судебных решений в современном процессуальном праве РФ. – *Государство и право*, № 9.

Лапкин В.В. 2012. *Политическая модернизация России в контексте глобальных изменений.* М.: ИМЭМО РАН.

Магун В.С., Руднев М.Г. 2010. Базовые ценности россиян в европейском контексте. – *ОНС*, № 4.

Макинтайр А. 2000. *После добродетели.* М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга.

Мартьянов В.С. 2008. Постиндустриальное общество для России: миф, теория, реальная перспектива? – *Логос*, № 1.

Мартьянов В.С. 2010. Инволюция элиты в обществе Модерна. – *Политическая экспертиза*, т. 6, № 3.

Мартьянов В.С., Фишман Л.Г. 2010. *Россия в поисках утопий.* М.: Весь Мир.

Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. 2011. *Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества.* М.: Изд. Института Гайдара.

Панкевич Н.В. 2009. Коррупционные риски в условиях глобализации. – *Полития*, № 4.

Руденко В.Н. 2006. Новые Афины, или Электронная республика (о перспективах прямой демократии в современном обществе). – *Полис. Политические исследования*, № 4.

Скоробогацкий В.В. 2012. Институциональные ловушки в политике – *Вопросы политологии и социологии*, № 1.

Фишман Л.Г. 2006. Политические дискурсы “периферийной империи” – *Политическая экспертиза*, т. 2, № 3.

Фишман Л.Г. 2013. Поможет ли духовность российскому капитализму? – *Полития*, № 2.

Хархордин О.В. 2002. *Обличать и лицемерить: Генеалогия российской личности.* М.: СПб.

Юдин Б.Г. 2007. Сотворение трансчеловека. – *Вестник Российской академии наук*, т. 77, № 6.

Inglehart R., Welzel C. 2005. *Modernization, Cultural Change and Democracy: The Human Development Sequence.* Cambridge University Press.